

Женя Глюкк

На одном дыхании

Книга о любви и жизни

Женя Глюкк

**На одном дыхании.
Книга о любви и жизни**

«Издательские решения»

Глюкк Ж.

На одном дыхании. Книга о любви и жизни / Ж. Глюкк —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855441-4

Мне бы хотелось обозначить жанр данной книжки как документальный роман, несмотря на то, что это довольно короткое произведение. Тем не менее, эта книжка вместила в себя целую жизнь, поэтому такое обозначение жанра возможно. Итак, это короткий документальный роман. С уважением к своему читателю, Автор.

ISBN 978-5-44-855441-4

© Глюкк Ж.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

На одном дыхании Книга о любви и жизни

Женя Глюкк

© Женя Глюкк, 2024

ISBN 978-5-4485-5441-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Ты знаешь, я очень много раз пыталась понять, нужно ли писать эту книгу. Ведь это будут мои письма тебе туда, где нас нет. Но вот сегодня подружка в кафе на мой сомнительный вопрос сказала – а вдруг ты все забудешь лет в 80? Тогда ты сможешь прочитать и вспомнить. И это дало мне понимание того, чего же я хочу. Я хочу помнить тебя всегда, каждую минуту и в любом состоянии. Поэтому я начинаю.

Любовь – это состояние сердца. И она либо есть, либо нет. Нельзя воспитать любовь. Или придумать любовь. Или создать ее искусственно. Почему я так думала? Может быть, начитавшись разных книжек, которыми было прочувствовано все мое детство и тинейджерский возраст; у мамы была большая библиотека, книжные шкафы до сих пор стоят в ее доме, и я там погружалась в разноцветные миры Стивенсона, Стендаля, Дюма. Чехов, Достоевский и Толстой предлагали мне размышления о жизни, которые уравнивали первых трех романтических писателей, а к ним-то все же и устремлялись мои мысли в большей степени, нежели к русской классической литературе. Я всегда проходила мимо любви. Как-то не получалось совместить в едином целом все и сразу – ум, тело, душу. Со временем я решила, что это разные понятия, и не стоит ждать каких-либо потрясений на этой почве, надо просто выбрать приоритет. В моем случае, разумеется, выбиралась душа. Так что когда мы впервые встретились с тобой, я выходила из арки возле Театрального института, где только что произошло мое бурное расставание с любимым мальчиком. Я помню, что с девятнадцатилетнего горя съела яблоко, выбросила огрызок, который мок в ладошке, и вытерла заплаканные глаза. Подняла их и уставилась точно в твои. Ты стоял на перекрестке Моховой улицы и Моховой улицы. Я говорю «перекрестке», потому что студенты Театрального Института, иначе говоря ЛГИТМиКа постоянно фланировали с Моховой 35 на Моховую 34, и движение там было насыщенным. На кукольном факультете до недавнего времени училась и я, чуть позже объясню, почему и что я имею в виду под «училась». А ты в другом корпусе, на курсе Кацмана, правда, возможно, уже это был курс Малеванной. В общем, подняв свои глаза и встретившись с твоими, я ровным счетом ничего не поняла. Но, как ты потом вспоминал уже в нашей новой жизни, мы просто стояли и смотрели друг на друга. Мы помнили, кто как был одет. Я не помню, в чем была я, ты мне это рассказал потом. А на тебе был плащ денди, пушкинский, серый. И ты спросил, все ли у меня в порядке? И я кивнула. А ты сказал «Ну, ты же здесь бываешь? Я найду тебя». Но дело в том, что училась-то я последний день, у меня развернулась целая история с отчислением, нечестностью педагогини, которую, к слову сказать, тоже отчислили пару лет спустя сами студенты; в общем, я, как всегда, полезла не в свое дело, и была наказана, как максималистка и неприспособленка. Так что я уже знала, что никакого «найду» не будет, я сюда не приду. Не могу же я мчаться ради встречи с мальчишкой, что-то там мне сказавшим, да и мало ли что говорят начинающие актеры начинающим актрисам на перекрестке Моховой и Моховой. А пока в том славном году ты смотришь на меня и говоришь «глазки-то у тебя какие хорошие». А я смотрю, как в замедленной съемке, со слегка съехавшей крышей, и думаю «Этот парень будет моим мужем... через 20 лет...», – и тут же обрываю себя и продолжаю, – «Какая дурь у тебя в голове, Женя! Какая разница, что будет с кем через 20 лет. Это так далеко, что отсюда не видно. И почему мужем? Ты только что рыдала за углом на скамейке. Иди и думай, как будешь жить дальше.» И мы расстаемся, и ты идешь в нужный тебе корпус, а я иду в сторону Гостиного Двора, и мы прощаемся,... чтобы встретиться снова ровно через 20 лет.

II

Звонок раздался в воскресенье, когда, несмотря на выходной, я собиралась на очередную деловую встречу. Звонил мой бывший сокурсник. Мои рекламные способности на Радио РОКС, где я работала на тот момент, похоже, были признаны всеми, темп нельзя было снижать ни в коем случае, и всегдашние мои сутки состояли из бесконечных переговоров. Мелькание людей, привычка видеть, как при обсуждении условий сделки человек напротив считает деньги в уме, складывает и вычитает, затем договора, акты приёмки-сдачи, агентские проценты, креатив, спонсорские упоминания, ролики по 15 или 30 секунд, «почувствуйте разницу», «718—35—88», «спешите слышать». Это положение вещей превратилось в часть обыденности в графике повседневности, но, в общем и целом, меня вполне устраивало, хотя и возникал порой вопрос, нужна ли мне подобная суета. Но ответственность за близких и прочее... Короче, вопрос не решался никак, поскольку был уже решён. В тот день мне тоже должны были позвонить в текучке событий, и, отжимая звонок своей раскладушки, я ожидала услышать кого-то, с кем следовало свидеться; однако на той стороне раздался голос, как я уже упомянула, бывшего сокурсника. Сокурсник этот проявлялся периодически, раз в полгода, и обычно куда-то звал, а я всё не могла ответить взаимностью, как не могла и сейчас.

Разговор поэтому состоялся традиционный и примерно такой:

– Знаешь, приезжай. Мы тут сидим с одним приятелем... Да ты его помнишь... (называет твоё имя).

– Я не помню.

– Нет, ты вспомнишь, если увидишь.

– Прости, я не смогу. Не получается. Нет времени.

(Молчание отсюда)

– Конечно, у тебя никогда нет времени. Ты же звезда эфира. Куда тебе до нас (ухмылка в трубку).

– Прости, я в самом деле не могу. Как-нибудь в другой раз.

– Ну, не судьба.

Конец связи.

Раздаётся новый звонок. На сей раз звонит партнёр по рекламе.

– Слушай, сегодня воскресенье. Давай перенесём на завтра. Чего-то вдруг решил отдохнуть и выспаться.

– Разумеется. Отдыхай.

Снова звонок. Сокурсник. А я-то попрощалась с ним мысленно на ближайšie полгода.

– Ты не передумала?

Смотрю на часы.

– Я приеду. Говори адрес.

(Сокурсник произносит твой адрес).

– Я буду через полчаса.

Хватаю машину и еду.

Мистика началась почти сразу. Во-первых, я, жительница Петербурга в четвёртом поколении, вовсе не помнила твой дом. Каким-то удивительным образом мне никогда здесь не приходилось бывать или даже проезжать мимо, поэтому первые две сталинские высотки Петербурга с башенками в семь этажей и музеем Ленина между ними, выглядели для меня как части замка, где творится нечто. В выборе этого дома для проживания также сказался твой безупречный вкус, с чем впоследствии я сталкивалась неоднократно.

Мой приятель ждал меня на скамейке во дворе, без гитары, с которой я привыкла его помнить, и... без зубов. «О ужас, – сказала я себе. – Не в притон ли меня позвали?» – и богатое

воображение нарисовало картину сборища с песнями, плясками, заплёванным полом, грязными стенками и пустыми бутылками по углам. Приятель обрадовано протянул мне руку, целоваться лезть не посмел, и повёл к подъезду, по пути рассказывая твою историю.

– Представляешь, было всё в порядке, роли, у Мамина в кино снимался, перспективы, и вдруг случилось что-то, чего никто не может объяснить.

– А что именно?

– Потерял равновесие.

– Как это? (слушаю и решаю, что это пьяный бред, я же ничего не знаю о таких вещах).

– А вот так. То всё нормально, то как в невесомости.

Приятель подвёл меня к подъезду и набрал номер квартиры.

Не открывали долго.

«Спит, наверное, – решила я. – Алкаши».

– Может, я пойду?

– Нет, подожди, он откроет.

«Двадцать минут пробуду там, – решаю для себя. – Как-нибудь выдержу. Отмечусь, чтобы не упрекали в звёздной болезни, и сбегу».

– Кто это? – твой голос.

– Это Сергей, открывай.

Заходим в подъезд и поднимаемся на четвёртый этаж.

Квартира отперта. Мы входим. Сергей сразу проходит в комнату, где на столе сосредоточено интересующее его. А я второй раз в жизни так близко вижу твои глаза. Я до сих пор помню этот момент.

Взгляд без всякой вычурности. Твои глаза, Андрюшка. Синие или голубые. Глаза, в которых отражается небо и высота. Взгляд орла, которого заставили притвориться цыплёнком. Пронзительность, которой даже не боишься. Очень мужской взгляд, между прочим.

Кругом чисто, ни намёка на разврат. На столе аскетично, бутылка красного вина, конфеты и мандарины. Кожаные кресла. Компьютер у окна. Часы с боем, правда, бой не работает. Ничего лишнего в комнате.

Ты наливаешь мне полбокала вина и смотришь, смотришь. А я смотрю на тебя и опять не понимаю пока, что происходит. Во-первых, я замечаю серебряные тонкие кольца на твоих пальцах, и мне это нравится, это стиль, во-вторых, обнаруживаю крайне интеллигентную манеру общения, в-третьих, вижу, как ты красив, необычайно, фактурно, как бы сказали в Театральном Институте, и как не бывает, в-четвёртых, оглядываюсь и не вижу хозяйки дома, ведь даже при потере равновесия, считаю я, у такого ослепительного мужчины кто-то должен же быть, и делаю однозначный вывод, заключаю безапелляционно: «Парень голубой». Сергей чувствует, что вечер удался, это его день, он так долго этого добивался, он позвал меня, чтобы начать некие отношения, и старается вовсю, всё больше напиваясь. Я ещё не знаю, как ты умеешь манипулировать людьми, и твою просьбу сбежать за ещё одной бутылкой воспринимаю за чистую монету. Мы даже спорим с Сергеем, кто пойдёт. Ты как-то выворачиваешь, что это не женское дело, как-то шутишь, что мне не выдадут по возрасту, и Сергей радостно убегает ненадолго, как он считает.

У тебя ровно пятнадцать минут, чтобы изменить мир. Но ты справляешься быстрее.

– Ну рассказывай, – говоришь ты и целуешь мне руку. – Маленькая, – говоришь ты. – Ты не обижаешься, что я называю тебя «маленькая»? Но ты Чипполино. Ты сражаешься с синьором Помидором. Я сразу тебя узнал. Ты с Моховой? Я вспомнил тебя. По глазкам. Сразу. Ты моя.

Я рассказываю, кем и где я работаю.

– Так ты диктор, – говоришь ты, и мне становится смешно. Никто и никогда не называл меня диктором.

Я киваю и чищу мандарин тебе и себе. И протягиваю к тому же тебе конфету.

– Это для женщин, – говоришь ты. – Я не люблю сладкое. (Врёшь! Ты любишь, но это будет ясно потом, а пока ты манипулируешь мной и набиваешь себе цену).

– Ты молодёжь, а я серьёзный человек, – продолжаешь ты. – Андрей Александрович. А тебя я буду называть Женька. – И ты вопросительно смотришь. Я соглашаюсь. Почему бы и нет?

– Какая я молодёжь? Я тебя на два года младше.

– Ты шоу-бизнесом занимаешься. Там все молодёжь.

– А ты?

– А я философией, наукой.

Проходит время, а мы всё болтаем, и болтаем. Сергея нет.

– Скажи мне, маленькая, – спрашиваешь ты вдруг. – А ты уже поняла, что будешь жить здесь, со мной?

– Я не могу так сразу решить.

– Конечно, не можешь. Сразу и не надо. Дня три. Решай – и переезжай.

Я смотрю на часы и встаю.

– Мне пора.

– Ты не останешься?

– У меня бабушка дома одна. Мама и дочка в Болгарии.

– Конечно. Бабушка – это важно. А когда возвращаются мама с дочкой?

– Послезавтра.

Ты прикрываешь глаза.

– Чтобы была здесь через три дня, – и ты целуешь меня. «Не голубой», – только и успеваю подумать я.

Мне очень весело. Я машу тебе рукой и открываю дверь. Серёжа выпил купленную бутылку и заснул на лестнице.

– Что с ним делать? – спрашиваю я.

– Ничего, отвечаешь ты. – Широкий подоконник. Выспится и позвонит.

Ты смотришь на Серёжу, и твой взгляд снова становится отстраненным. Потом на меня, и улыбаешься. Ты перестаёшь быть отрешённым, или мне это только кажется. Или всё же действует выпитое вино.

Ты говорил мне после, что я спускалась вниз по лестнице, а тебе казалось, что я ухожу вверх, и ты был удивлён, почему это так. Оставим метафизические законы к расшифровке кем-то иным.

Мы прощаемся.

Я еду домой в странном состоянии веселья, и мои полбокала здесь ни при чём. Я не знаю, как буду поступать и что буду делать. У меня нет никаких решений. Ты же имеешь инвалидность, как я узнала, с этой потерей равновесия, причём, первую группу, самую страшную, а у меня столько забот, что я даже не могу пока задумываться ещё и об этом. «Пусть всё сложится само собой, – приговариваю я. – Чудесным образом. А розы вырастут сами». Просыпаюсь я на следующий день в том же состоянии, и оно нарастает. Вдруг я понимаю, что счастлива, без объяснения причин. Я прихожу медленно и постепенно к тому решению, которое ты уже озвучил. Я купаюсь в этом. Я ничего не делаю, чтобы быть с тобой. Я не звоню тебе три дня. Я готовлюсь. Никому ничего не говорю. Не собираю вещи. Общаюсь с бабушкой. Не делаю совсем ничего. Но через три дня я переезжаю к тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.